

Императрица У тут же уловила её намёк и махнула рукой:

— Останься.

Казалось, ей что-то пришло на ум, и она с лёгкой насмешкой взглянула на Ваньэр:

— Вань-цин, тебе ведь шестнадцатый год?

Ваньэр поклонилась:

— Ваше Величество не забыло. Я родилась в год Цзяцзы, так что в этом году исполняется шестнадцать.

Насмешливость во взгляде императрицы усилилась. С улыбкой она сказала:

— Ты на год старше Сыцзы, и уже пора.

Поманила её:

— Подойди, послушай.

Ваньэр, полная недоумения, опустила голову и тихо приблизилась к трону. Она уже собиралась опуститься на колени, когда императрица указала на место рядом с собой:

— Садись сюда.

Ваньэр не посмела послушаться. Подойдя, она поклонилась императрице и принцессе Чанлэ, после чего села, выпрямив спину, положив руки на колени и опустив голову, боясь помешать их сокровенной беседе.

Но императрица не дала ей остаться в покое. Указав на лежащие на столе свитки, она сказала:

— Разверни, посмотри.

Произнося это, её лицо выразило лёгкую неловкость — столь мимолётную, что разглядеть её могла лишь Ваньэр, давно прислуживавшая вблизи.

Ваньэр, ещё более смутившись, протянула руки, взяла один из свитков и осторожно развернула. Бросив взгляд на изображение, она вздрогнула и чуть не выронила свиток.

Императрица кашлянула:

— Девушки взрослеют, и всем надлежит через это пройти. Здесь чужих нет, нечего стыдиться.

Ваньэр вспыхнула, стремительно развернула свиток на столе и тут же отдернула руки, усевшись чинно, с низко опущенной головой, не смея взглянуть на рисунок.

Императрица, наблюдая её смущение, тихонько рассмеялась и повернулась к дочери:

— Сыцзы, знаешь, что это?

Ваньэр услышала шорох рукава о шёлк свитка и украдкой подняла взгляд. Принцесса Чанлэ взяла свиток, взглянула на него и сказала:

— Это мужчина и женщина.

Её лицо тоже залилось лёгким румянцем, но она не была столь смущена, как Ваньэр. Более того, она смело рассматривала свиток некоторое время, внимательно изучив несколько рисунков справа налево, и невозмутимо произнесла:

— Матушка показывает мне это, потому что я скоро выйду замуж?

Императрица кивнула. Погладив принцессу по затылку, она привлекла её к себе и тихо сказала:

— Через месяц ты выйдешь замуж. Нельзя больше оставаться такой несведущей.

Затем добавила:

— Я хотела подождать до твоих шестнадцати, чтобы у тебя было время постичь всё постепенно. Жаль, что твой отец поторопил события. Придётся объяснить тебе в общих чертах сейчас.

Ваньэр всё же уловила нотку неловкости в голосе императрицы. Подняв голову, она осмелилась сказать:

— Ваше Величество, позвольте мне... подождать за дверью?

Лишь произнеся это, она снова покраснела и поспешно опустила голову, чтобы скрыть смущение. Она пережила немало опасных мгновений, но ни одно не напрягало её так, как это. Ладони слегка сжались в кулаки, спина непроизвольно сгорбилась, и её охватила мелкая дрожь.

Императрица сказала:

— Тебе уже шестнадцать, и ты принадлежишь к внутренним покоям. Знать такие вещи тебе подходит.

Но тут принцесса Чанлэ дёрнула её за рукав и тихо промолвила:

— Матушка, отпусти Ваньэр. Когда она рядом, мне тоже неловко.

Тогда императрица взяла со стола первый попавшийся свиток и швырнула его на пол:

— Раз так, этот свиток — тебе.

Ваньэр пылала ещё сильнее. Подползла на коленях, подняла свиток, выпрямилась и, почтительно держа его перед собой, вышла из зала. Она бессчётное количество раз пересекала этот порог, но лишь на сей раз чувствовала себя так растерянно. Выходя, она зацепилась за дверной косяк и чуть не слетела со ступеней. К счастью, Гао Яньфу вовремя поддержал её, участливо промолвив:

— Цайжэнь Шангуань, будьте осторожны.

Ваньэр, всё ещё не придя в себя, пробормотала:

— Благодарю, господин Гао.

Гао Яньфу кивнул и отпустил её, не проронив больше ни слова. Зато Туаньэр язвительно заметила:

— Что за награду получила Цайжэнь Шангуань, что даже дороги под ногами не видит?

Ваньэр вспомнила о свитке в руках и поспешно сунула его за спину. Туаньэр, видя её замешательство, стала ещё развязнее. Она протянула руку, пытаясь выхватить свиток, и со смешком сказала:

— Что за драгоценность такая, что и нам взглянуть нельзя? Поделись, чтобы и мы знали. А то вдруг и нам когда-нибудь выпадет удача получить награду — не будем же мы тогда так метаться, чуть с лестницы не слетая. Ведь господин Гао — особа важная, не всегда же он будет тут дежурить, чтобы нас подхватить.

Ваньэр рванула свиток к груди и холодно взглянула на Туаньэр:

— Вещь сия крайне драгоценна, и Ваше Величество пожаловало её лишь принцессе Чанлэ да мне. Боюсь, у госпожи Туань такой чести не выпало. А поскольку она столь драгоценна, я и показать-то её вам не могу. Не только потому, что вы, чего доброго, не поймёте, но и потому, что если с нею что случится — ни вам, ни мне за то не ответить.

Эта Вэй Туаньэр когда-то снискала милость императрицы У, донеся на беременную наложницу. Во дворце её и так презирали, а она не только не смирилась, но и гордилась этим, выискивая и донося о чужих тайнах, сея страх повсюду. Даже такой старый слуга, как Гао Яньфу, не раз намекал об этом Ваньэр — та лишь делала вид, что не понимает. К человеку столь бесчестному и недалёкому Ваньэр питала глубочайшее презрение, а сейчас, будучи взволнована, и вовсе отбросила обычную учтивость.

Туаньэр несколько раз сменилась в лице, прежде чем холодно усмехнуться:

— Как же вы высокомерны, Цайжэнь. Не зря вы из рода Шангуань из Тяньшуя. Жаль только, что как бы знатен ни был ваш род, раз попав в число конфискованных рабынь, вы ничем не лучше меня. Даже если вам и посчастливилось войти в гарем, вы всё равно лишь слуга перед Вашим Величеством. И кто знает, кто в итоге окажется выше. А сиюминутные награды — кому они нужны?

Эти слова ударили прямо в сердце Ваньэр. Она сжала губы, непроизвольно схватилась за левое запястье, затем отпустила его. Гао Яньфу, всё это время молча наблюдавший за их перепалкой, наконец выступил вперёд с улыбкой:

— Вы обе слуги Вашего Величества, день и ночь трудитесь бок о бок в этих покоях. К чему такие обидные речи?

Сперва он обратился к Ваньэр:

— Цайжэнь Шангуань постоянно при Вашем Величестве, глубоко обласкана священной милостью, а ныне ещё и удостоилась награды. Дело сие поистине радостное и достойное поздравлений. Примите же мои первые поздравления.

После того как Ваньэр скромно отреклась от похвал, он повернулся к Туаньэр:

— Госпожа Туань, конечно же, пылает искренней преданностью и рвением служить Вашему Величеству. Однако Ваше Величество, озаряя всё своим мудрым светом, ясно различает, кого наградить, а кого покарать. Кому что должно достаться — решает лишь священная воля. Нам, слугам, не подобает самовольно судить об этом.

Туаньэр фыркнула:

— Если, как говорит господин Гао, так оно и есть, то и мне следует от души поздравить Цайжэнь Шангуань.

Гао Яньфу улыбнулся:

— Это естественно между сослуживицами.

Но Туаньэр лишь презрительно хмыкнула, бросила на Ваньэр взгляд и отошла в угол. Приказав двум служанкам защитить её от зимнего ветра, она прислонилась к стене и принялась разглядывать собственные ногти.

Ваньэр не желала с ней больше препираться. К тому же она размышляла, что свиток этот нельзя показывать никому. Перекинувшись парой слов с Гао Яньфу, она впервые за время своей службы покинула чертог Цзычэнь. Пospешив в свои покои, она заперла свиток в сундуке с книгами и вернулась обратно как раз в тот момент, когда принцесса Чанлэ выходила из зала. Та несла в руках стопку свитков, и лицо её было мрачным. Увидев Ваньэр, она остановилась и позвала:

— Цайжэнь Шангуань.

Ваньэр, видя её выражение, подумала, что та хочет сказать нечто важное, и почтительно замерла в ожидании. Но принцесса лишь уныло опустила голову и промолвила:

— Матушка сказала дать тебе выходной на сегодня, чтобы ты могла... как следует изучить то, что изображено на свитке. Если у меня возникнут затруднения... я могу обратиться к тебе за разъяснениями.

Затем она безжизненно добавила:

— Я не стану тебя спрашивать. Не беспокойся об этом.

Ваньэр стояла, почтительно сложив руки, и слушала. При слове «изображено» она снова вспыхнула. Проводив принцессу, она обернулась, взглянула на зал и быстрым шагом вернулась в свои покои. После долгих колебаний она всё же не решилась вынуть свиток и развернуть его для подробного изучения. Оставим в стороне то, сколь сильно это противоречило наставлениям матери с детства. Она всё ещё формально числилась в гареме нынешнего императора. Заставляя её изучать подобное, императрица У, вероятно, либо испытывала её, проверяя, не имеет ли она тайной связи с Сыном Неба и не замышляет ли измены, либо намеренно унижала и потешалась над ней. Ни в том, ни в другом случае ей не следовало всерьёз разворачивать эти свитки и прилежно их изучать.

Но даже не разворачивая свиток, она уже навсегда запечатлела в памяти то, что мельком увидела в зале. Чем сильнее она пыталась забыть, тем отчётливее всплывали детали. Она просидела на краю ложа в оцепенении долгое время, но даже крошечную родинку на груди той женщины помнила ясно, будто перед глазами.

Так нельзя.

Она поднялась, открыла сундук и, не трогая тот свиток, принялась перебирать другие. В конце концов она выбрала один свиток — «Сутру Хуаянь» — и принялась её читать.

<http://bllate.org/book/16278/1466886>